

*М.В. Ларина (Москва, Санкт-Петербург),
Н.В. Ковтун (Санкт-Петербург, Красноярск)*

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗА РОДИНЫ В РОЖДЕСТВЕНСКОЙ ПРОЗЕ ПИСАТЕЛЕЙ-ЭМИГРАНТОВ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ (Н. ТЭФФИ «СОСЕД», Е. ГАГАРИН «ПОЕЗДКА НА СВЯТКИ»)¹

Аннотация

В статье на примере знаковых текстов – рассказа Н. Тэффи «Сосед» и повести Е. Гагарина «Поездка на Святки» – рассматриваются особенности рождественской прозы писателей-эмигрантов первой волны. Сохраняя жанровую специфику святочной прозы, авторы пытаются воссоздать исчезнувший мир прошлого, далекий, идеализированный, удержать его в памяти. Ключевым в этом контексте становится образ России, который в рассказе Н. Тэффи восстанавливается из деталей быта, примет русской культуры, воспринятых глазами маленького французского мальчика. Используя недиегетического нарратора, автор переключает повествование на точку зрения ребенка, для которого соприкосновение с «миром русских» становится прообразом рождественского чуда. В то же время в повести Е. Гагарина утраченная Родина вырисовывается в пронизанном ностальгией сюжете о поездке в отчий дом, затерянный в снегах Архангельской губернии. Воспоминания рассказчика о гимназических годах чередуются в тексте с полными тоски и горечи отступлениями. Образ таинственной родной земли показан на контрасте с черствым, прагматичным миром европейских обывателей. В анализируемых текстах появление мальчика как реципиента русской культуры напрямую связано с необходимостью передать всю полноту памяти о Родине; образы ребенка и потерянной России связаны с воплощением *Другого*, *Иного* бытия. Таким образом рождественские истории под пером писателей-эмигрантов приобретают подчеркнутую эмоциональную, философскую глубину, становясь не только литературными произведениями, но и своего рода «мостом» между прошлым и настоящим, связывая исчезнувшую дореволюционную Россию с опытом эмиграции. Жанр рождественской прозы становится не просто данью литературной традиции, но формой сохранения национальной идентичности.

Ключевые слова

Рождественская проза; эмигрантская проза; Надежда Тэффи; «Сосед»; Евгений Гагарин; «Поездка на Святки».

¹Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00408, <https://rscf.ru/project/23-18-00408/>; Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского.

*M.V. Larina (Moscow, St. Petersburg),
N.V. Kovtun (St. Petersburg, Krasnoyarsk)*

REPRESENTATION THE IMAGE OF HOMELAND IN THE CHRISTMAS PROSE OF THE FIRST WAVE OF THE RUSSIAN EMIGRANT WRITERS (NADEZHDA TAFFY “NEIGHBOR”, YEVGENY GAGARIN “TRIP TO CHRISTMAS EVE”)¹

Abstract

The article examines the peculiarities of the Christmas prose of the first wave of emigrant writers on the example of N. Taffy’s story “The Neighbor” and E. Gagarin’s story “A Trip to Christmas Eve”. While preserving the genre specificity of Christmas prose, the authors try to recreate the vanished world of the past, distant and ideal, to keep it in memory. The key image in this context is the image of Russia, which in N. Taffy’s story is revived from the details of everyday life, the peculiarities of Russian culture, perceived through the eyes of a little French boy. The author uses a non-diegetic narrator to shift the narrative to the point of view of a child, for whom contact with the “world of Russians” becomes a Christmas miracle prototype. In E. Gagarin’s story, the lost homeland emerges in a nostalgic plot about a trip to the family home lost in the snows of Arkhangelsk Province. The narrator’s memories of high school alternate with the author’s nostalgic and bitter digressions. The image of the mysterious homeland contrasts with the callous, pragmatic world of European philistines. In the analyzed texts, the boy’s role as a recipient of Russian culture is directly linked to the need to convey the richness of memories about the homeland. The images of the child and lost Russia embody *the Other* and a different way of life. In this way, Christmas stories written by the emigrant writers acquire additional emotional and philosophical depth, becoming not only literary works, but also a kind of “bridge” between the past and the present, connecting the lost pre-revolutionary Russia with the experience of emigration. For the writers, the genre of Christmas prose becomes not only a literary tradition, but also a form of preserving national identity.

Key words

Christmas prose; emigrant prose; Nadezhda Taffy; “Neighbor”; Yevgeny Gagarin; “Trip to Christmas Eve”.

Жанр рождественского рассказа (или, шире, рождественская проза) – в силу своей специфики явление, связанное с атмосферой чудесного, ожиданием сказочных событий – обязательными составляющими зимних праздников. Важно отметить, что определение «рождественского рассказа» («рождественской прозы») как жанра является в литературоведении довольно спорным моментом. Ряд исследователей (Н.В. Капустин, В.Н. Захаров и др.) разводят понятия «рождественский», «святочный» и «новогодний» рассказ, связывая их с разными традициями: христианской, народной и светской соответственно (см.: [Капустин 2021; Захаров 1994]). В большинстве классических отечественных исследований [Кучерская 1997; Душечкина 2023; Баран 1993] данные понятия используются как синонимичные, в настоящей работе мы будем придерживаться этой традиции.

¹The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 23-18-00408, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00408/>; Russian Christian Academy for Humanities named after Fyodor Dostoevsky.

Главным формальным признаком произведений святочной прозы можно считать их календарную приуроченность к периоду от Рождества Христова до Крещения. Структурными основаниями здесь становятся идеи покаяния, очищения человеческой природы, ее возрождения через добро, милосердие и сострадание. В качестве ведущих содержательных элементов обычно выделяют тему семьи и относящиеся к ней мотивы домашнего очага, единения людей; мотив «рождественской звезды» и связанную с ним идею самопознания, смирения и упования на Бога даже в самых трудных жизненных ситуациях; мотив «ребенок-спаситель»; мотивы дарения и чуда. Повествование в святочной прозе зачастую строится как «воспоминание», личное или общечеловеческое, о рождении Иисуса Христа [Базылева 2016, 2–4].

Особую нишу в этом тематическом направлении занимает творчество русских писателей, вынужденно покинувших Россию вследствие трагических событий первой половины XX в.: рассказы «Продувной мальчишка» (1922) А. Аверченко, «Серебряная метель» (1937) В. Никифорова-Волгина, «Волхвы» из цикла «Провансальские пересказы» (1931) И. Бунина, «Рождественский ангел» Саши Черного (точный год издания неизвестен); «рождественские» главы из книг «Детство Никиты» (1920) А. Толстого, «Лето Господне» (1928) И. Шмелева, «Королевство Алых Башен. Из сказок жизни» (1934) И. Сабуровой, «Забывтая сказка. Письма об ушедшей любви, об ушедшей России» (точный год издания неизвестен) М. Имшенецкой. Очевидно, что образ потерянной Родины в сочинениях мастеров слова – эмигрантов первой волны – является одним из основных. Рождественская проза в этом плане не стала исключением: далекая заснеженная Россия предстает на страницах святочных повестей, рассказов как загадочный, таинственный край радости, утраченного благоденствия. Наиболее показательными в обозначенном жанровом ключе представляются рассказ Надежды Лохвицкой (псевдоним – Тэффи) «Сосед» (1912) и повесть Евгения Гагарина «Поездка на святки» (1953).

Литературное творчество писателей-эмигрантов трудно рассматривать вне контекста жизненного пути. Н. Тэффи – одна из наиболее известных писательниц начала XX в., была постоянным сотрудником журнала «Сатирикон», получила широкое признание благодаря своим сатирическим стихам и фельетонам. Интересно, что ее творчество привлекало самых разных читателей, среди которых были И. Бунин, В. Ленин и даже Николай II [Тэффи 1980, 6–7]. После закрытия в 1918 г. газеты «Русское слово», где писательница активно работала, Тэффи отправилась на юг страны с литературными выступлениями, побывала сначала в Киеве и Одессе, затем в Новороссийске и Екатеринодаре. Ее скитания, продолжавшиеся около полутора лет, завершились в Константинополе, откуда писательница уедет в Париж. Если судить по книге «Воспоминания», она не собиралась покидать Россию, это решение было принято спонтанно под давлением обстоятельств. Тэффи вспоминала, что ее не оставляла надежда на скорое возвращение: «Сейчас вернуться в Петербург трудно, поезжайте пока за границу, – посоветовали мне. – К весне вернетесь на родину. Чудесное слово – весна. Чудесное слово – родина... Весна – воскресение жизни. Весной вернусь» [Тэффи 1980, 264]. Возвращению, однако, не суждено было случиться.

В эмиграции Тэффи продолжила писать рассказы – зарисовки по воспоминаниям об утерянной России и экзистенциальные размышления о судьбах скитальцев, лишившихся Родины (см.: [Костенко 2016, 16–17]). На этом фоне рассказ «Сосед» – особенный, он представляет собой пронизанную теплом и

светлой радостью «парижскую» историю из жизни молодой русской эмигрантки Кати Узбековой, которая знакомится с новым соседом – четырехлетним толстым мальчиком Полем. Одна из жанровых особенностей святочного рассказа – сентиментальный сюжет – трансформируется в ностальгические переживания автора, переданные через восприятие *Другого*. Мир русской культуры, рассыпанный на частицы, воссоздается через характерные детали и образы. Дружба Кати и Поля начинается с прагматической детали – мисочки борща, которым девушка угостила маленького француза. Так Польш посвящается в загадочный мир русских:

«Лерюсс» были удивительные существа. Ели самые странные вещи. Даже хлеб у них был не такой, как у всех, а черный. И разговаривали «Лерюсс» не так, как все, а кричали, громко и звонко, точно перекликались где-нибудь в деревне через забор. И все время приходили к «Лерюссам» гости и съедали все, что только у «Лерюссов» было в буфете и в кухонном шкапчике, а «Лерюссы» только радовались и от радости даже пели. Вся жизнь «Лерюссов» была очень странная и очень интересная... [Тэффи 2011, 320].

Быт семьи Узбековых в рассказе не случайно представлен через восприятие маленького француза. Детство в творчестве Тэффи предстает не просто как период жизни, но как символическое пространство, в котором переплетаются личная память и социальная реальность. У Тэффи этот мотив окрашен элементами иронии: она часто использует образы детства для того, чтобы высмеять условности взрослого мира, показать скрытую парадоксальность бытия [Петрашко 1999]. В таком контексте реализуется модель «ребенка как радикально Иного» (*The Child as Radically Other*) по классификации К. Хинц и Э.Л. Трибунеллы, когда дитя изображается некой личностью, принципиально отличающейся от взрослых, буквально – из *Другого* мира [Hintz, Tribunella 2019, 52–53]. В рассказе «Сосед» таким образом достигается эффект «двойного остранения»: взгляд мальчика воспроизводит образ волшебной, завораживающей, таинственной культуры, к которой принадлежит его новая русская подруга Катя. Культура эта складывается из нелогичных по своей сути вещей:

...Икона, клетка для канарейки, которую скоро купят, корзинка, в которой прежде жил кот, – он теперь ушел в больницу, – круглая кофейная мельница, борщ со свеклой и бинокль. Все это надо было обмыслить, обдумать, понять и оценить. Он [Поль] ушел подавленный и даже забыл попрощаться [Тэффи 2011, 319].

Образ далекой России тоже выстраивается из деталей, подмеченных и воспринятых чутким взором мальчика: странный Новый год, который отмечается на четырнадцать дней позже («Конечно, вашему Пэр Ноэлю нужно время, чтобы прийти из Москвы» [Тэффи 2011, 321]), непонятные блюда, которые готовит Катя... Этот образ углубляется контрастом двух культур. Пэр Ноэлю нужно кричать вслепую свои желания, тогда как русскому Деду Морозу можно написать письмо (что Катя и делает, чтобы утешить Поля, который постеснялся кричать и расстроился). Для Пэр Ноэля нужно начистить свои башмаки и поставить их у камина, с чем Польш не справляется: «Вся надежда оставалась на русского Пэр Ноэля, который, говорят, и без башмаков приносит подарки. У

“Лерюссов” всегда все чудесное» [Тэффи 2011, 322]. А еще русские женщины отличаются: француженки работают серьезно, а Катя поет:

Пойдем, Дуня, Дунюшка,
Во лесок, во лесок.
Сорвем, Дуня, Дунюшка,
Лопушок, лопушок.
Сошьем, Дуня, Дунюшка,
Фартушок, фартушок... [Тэффи, 2011, 321].

Сказка, однако, быстро заканчивается: после праздников Узбековы переезжают, и Поль больше их никогда не встретит, однако, с ним навсегда останется воспоминание о «русской» квартире как о непонятном, но чудесном мире. Катя делится с Полем живой памятью о Родине, душевным теплом, озаряет его парижскую жизнь светом далекой России. Можно сказать, что соприкосновение с чужой культурой становится для маленького Поля сказочным рождественским опытом переживания *чуда*.

Повесть Е. Гагарина «Поездка на святки» отличается несколько иная эмоциональная тональность. В произведении чередуются два содержательных плана: *автобиографический* – история рождественских каникул одиннадцатилетнего гимназиста, который из Архангельска едет на праздники к родителям в деревню, и *публицистический* – комментарии уже взрослого автора-эмигранта, его размышления об истории России и собственной судьбе. Последние счастливые праздники – Рождество, Новый год, Крещение отмечает юный гимназист Андрей Воронихин со своей семьей в усадьбе Олонецкой губернии. Возможно, последний раз он видит своих близких живыми, потому что наступает роковой 1917 г., гимназист уезжает в город продолжать учебу, до катастрофы остаются считанные дни. Волшебство праздников той старой России он будет вспоминать уже в эмиграции.

Содержательное ядро повести – память. Автор строит повествование от первого лица, для произведения характерен подчеркнутый автобиографизм: сюжет тесно связан с воспоминаниями детства и юности героя. Первый издатель «Поездки на святки» пишет:

Гимназию Гагарин закончил уже при большевиках <...>. Жил он в Архангельске, но много ездил, в связи со своей службой, по всему северу России. Во время своих поездок он мог познакомиться со многими сторонами советской жизни: с бездушной бюрократической машиной, с умиранием, или, вернее, систематическим уничтожением деревни (бывшей до большевиков такой зажиточной, своеобразно самостоятельной и самобытной в Северном крае), с варварским уничтожением лесных сокровищ России, с рабским трудом. Особенно поразило его вид несчастных раскулаченных сотен тысяч русских крестьян, насильственно вырванных из насиженных мест и перевезенных на север [Гагарин 1953, 5–6].

Таким образом, еще до эмиграции сокровенная Россия для Гагарина была утрачена навсегда и сохранилась только в воспоминаниях. Не случайно образ дореволюционной России предстает на страницах повести идеализированным, но авторские комментарии проникнуты горечью и тоской.

В 1933 г. Е. Гагарину вместе с семьей жены удалось выехать в Великобританию. Пятнадцать лет жизни за границей (в октябре 1948 г. он погиб в Мюнхене в результате дорожно-транспортного происшествия) писатель преимущественно провел в Германии, регулярно посещал Францию, Италию и Нидерланды, год учился в Бельгии. Гагарин успешно окончил Лесную академию в Эберсвальде и был принят в Международную организацию по изучению лесов, что позволяло ему поддерживать контакты с зарубежными коллегами даже в период нацистского режима. Своей главной задачей писатель видел сохранение памяти о России, много писал о ней по-русски и по-немецки. Одно из таких произведений – повесть «Поездка на святки», изданная в 1953 г. в Нью-Йорке [Гагарин 1953, 7–8].

Из-за особенностей наррации – повествование ведется взрослым человеком, вспоминающим свою юность в России, – в смысловом плане повести доминирует оппозиция «свое – чужое», что прослеживается с первых эпизодов. В частности, при изображении хозяйки пансиона, где живет герой в Архангельске, немки Амалии, которую автор описывает с нескрываемым отвращением:

Россию она презирала больше всего за то, что здесь не принято было приносить с собой в кофейные для заварки собственный кофе (Kaffee brühen lassen) и потому оно стоило здесь “so viel das schöne Geld”. Раж ее во время уборки комнат был беспределен. Она готова была умертвить нас за малейшее пятно, за сдвинутый стул <...> Как я был рад хоть на две недели сбежать от этой прусской добродетели, от этих рачьих зеленых глаз, от этих седых буклей, от мясистого тела! [Гагарин 1953, 15].

Подобная интонация сохраняется в авторских отступлениях, когда герой сравнивает свой опыт жизни на Западе с жизнью на Родине. Так, после чудесного описания рождественской службы в ветхой деревенской церкви, повествователь признается:

На Западе я ни разу не пережил наяву этой великой тайны рождения Божьего Сына <...> Мертвенно горит на середине церкви электрическая елка, и каждый год все на тот же лад вопрошает, выкрикивает пастор: «Кто есть Бог? Что есть Рождество?» – целый час льется эта риторика, этот заученный пафос <...> Вот уже пятое столетие на Западе волокут, тащат всеми силами Бога на землю, как будто Его непостижимая тайна станет от того понятней; из таинства молитвы делают риторичку, из религии, – пошлую, ограниченную философию рационализма и земного счастья, из богослужения – бюргерское собрание... [Гагарин 1953, 70–71].

Рождественская служба в родной деревне – кульминационный момент повести – связана с неотъемлемой частью образа Родины у Гагарина – глубинным православием. Автор описывает народные традиции: хождение со звездой, катания, семейный рождественский ужин. Еще одна составляющая образа Родины – природа, бесконечная, прекрасная, загадочная, не лишенная подлинных опасностей, как в эпизоде поездки от станции в деревню через поля, лес, где на героя и ямщика нападают волки. И опять автор сравнивает эти просторы с Европой, где «одно государство теснит другое», а в России «Мы смотрим

прямо в Божий космос» [Гагарин 1953, 25]. Родина – это и люди разных сословий, званий: крестьяне, солдаты, духовенство, разночинцы... В родных местах мальчик замечает милый сердцу быт простого человека, сохраняя в памяти детали: одежду, пищу, разговоры, через которые до затерянной в снегах деревни доходят новости из Петрограда, где вершится революционная история.

Последние дни проводит Андрей с семьей. Родина – и ласкающие руки матери, ее шепчущие молитву уста: «Храни тебя Господь, Андрюша». Финал повести предсказуем – герой уезжает в кибитке из дома, уезжает во мглу истории, из которой вернется только к пепелищу. Именно сопоставление интимности, теплоты, спокойствия семейных сцен с ужасом надвигающейся *Революции*, несущей неизбежное расставание, открывает пространство для осмысления отъезда из России как символа трагической утраты не только личного, но и коллективного «потерянного рая».

По замечанию Е. Душечкиной, сама установка эмиграции первой волны на традицию «соответствовала ориентации рождественских и святочных текстов на идеализированное прошлое, на воспоминания, на культ домашнего очага» [Душечкина 2023, 250]. Повесть Е. Гагарина «Поездка на святки» – глубокое размышление о *памяти и утрате*, где жизнь героя переплетается с историческими катаклизмами. Эмиграция воспринимается здесь не только как физический уход, но и как окончательное расставание с Родиной, сохранившейся лишь в воспоминаниях. Автор противопоставляет тепло родных мест холодному отчуждению Запада, мотив Рождества становится не только символом семейного уюта, но и точкой необратимого разрыва между прошлым и настоящим. Финальная сцена прощания с домом подчеркивает неизбежность исторического перелома, после которого останется только память, хрупкая, как неверный свет рождественской свечи.

Подводя итоги, важно отметить, что рождественская проза выступает для писателей-эмигрантов своеобразным инструментом сохранения культурной памяти. Обращаясь к тематике зимних праздников, авторы не просто воссоздают картины из прошлого, но стремятся его переосмыслить, восстановить утраченные связи и сохранить живую ткань русской культуры. Жанр рождественской прозы в этом контексте выходит за рамки литературной традиции и превращается в один из способов этнической самоидентификации. Воплотившиеся на страницах святочных рассказов и повестей образы праздника, размышления о вечном и переживания о судьбе Родины служат средствами трансляции значимых культурных кодов. Более того, такие произведения открывают читателю тончайшие оттенки русской душевности – способность к духовному поиску и вере в чудо несмотря ни на что. Для новых поколений рождественская проза может служить окном в ушедшую эпоху, позволяющим не просто узнать, но прочувствовать внутренний мир первой волны русской эмиграции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Базылева Н.С. Эволюция жанра «рождественский рассказ» // Юный ученый. 2016. № 6 (9). С. 1–4.
2. Баран Х. Дореволюционная праздничная литература и модернизм // Баран Х. Поэтика русской литературы начала XX века. М.: Прогресс-Универс, 1993. С. 284–328.
3. Гагарин Е. Возвращение Корнета. Поездка на Святки. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1953. 293 с.
4. Душечкина Е. Русский святочный рассказ. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 256 с.

5. Захаров В.Н. Пасхальный рассказ как жанр русской литературы // Проблемы исторической поэтики. 1994. № 3. URL: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2403> (дата обращения: 26.08.2025).

6. Капустин Н.В. Рассказ А.П. Чехова «Страх»: жанровые метаморфозы и обертоны смысла // Вестник ИВГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 2. С. 11–17.

7. Костенко Д.Е. Экзистенциальное сознание как доминирующий тип мироощущения в эмигрантской прозе Н. Тэффи на примере сборника рассказов «Рысь» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 5 (59). С. 16–19.

8. Кучерская М.А. Русский святочный рассказ и проблема канона в литературе нового времени: автореф. дис. ... к. филол. н.: 10.01.01. М., 1997. 21 с.

9. Петрашко О.О. Тема детства в творчестве Тэффи и И. Бунина // Творчество Н.А. Тэффи и русский литературный процесс первой половины XX века: сборник. М.: Просвещение, 1999. С. 93–100.

10. Тэффи Н.А. Воспоминания. Paris: LEV, 1980. 268 с. (Репринт. изд. 1932 г.).

11. Тэффи Н.А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 4: Книга Июнь: О нежности: сборники рассказов / сост. И. Владимиров. М.: Книжный Клуб Книговек, 2011. 354 с.

12. Hintz C., Tribunella E.L. *Reading Children's Literature. A Critical Introduction*. Peterborough: BROADVIEW PRESS, 2019. 633 p.

REFERENCES (Articles from Scientific Journals)

1. Bazyleva N.S. Evolyutsiya zhanra “rozhdestvenskiy rasskaz” [The Evolution of the “Christmas Story” Genre]. *Yunyy uchenyy*, 2016, vol. 9, no. 6, pp. 1–4. (In Russian).

2. Kapustin N.V. Rasskaz A.P. Chekhova “Strakh”: zhanrovyye metamorfozy i obertony smysla [A.P. Chekhov's Short Story “Fear”: Genre Metamorphoses and Overtones of Meaning]. *Vestnik IvGU. Seriya: Gumanitarnyye nauki*, 2021, no. 2, pp. 11–17. (In Russian).

3. Kostenko D.E. Ekzistentsial'noye soznaniye kak dominiruyushchiy tip mirooshchushcheniya v emigrantskoy proze N. Teffi na primere sbornika rasskazov “Rys” [Existential Consciousness as a Dominant Type of Worldview in N. Teffi's Emigrant Prose on the Example of the Collection of Stories “Lynx”]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2016, vol. 59, no. 5, pp. 16–19. (In Russian).

4. Zakharov V.N. Paskhalnyy rasskaz kak zhanr russkoy literatury [The Easter Story as a Genre of Russian Literature]. *Problemy istoricheskoy poetiki*, 1994, no. 3. Available at: <http://poetica.pro/journal/article.php?id=2403> (accessed 26.08.2025). (In Russian).

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

5. Baran Kh. Dorevolyutsionnaya prazdnichnaya literatura i modernism [Pre-revolutionary Festive Literature and Modernism]. *Poetika russkoy literatury nachala XX veka* [The Poetics of Russian Literature of the Early 20th Century]. Moscow, Progress-Univers Publ., 1993, pp. 284–328. (In Russian).

6. Petrushko O.O. Tema detstva v tvorchestve Teffi i I. Bunina [The Theme of Childhood in the Works of Taffy and I. Bunin]. *Tvorchestvo N.A. Teffi i russkiy literaturnyy protsess pervoy poloviny XX veka: sbornik* [The Work of N.A. Taffy and the Russian Literary Process of the First Half of the 20th Century: Collection]. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1999, pp. 93–100. (In Russian).

(Monographs)

7. Dushechkina E. *Russkiy svyatochnyy rasskaz* [Russian Christmas Story]. Moscow, Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2023. 256 p. (In Russian).

8. Hintz C., Tribunella E.L. *Reading Children's Literature. A Critical Introduction*. Peterborough, BROADVIEW PRESS, 2019. 633 p. (In English).

(Thesis and Thesis Abstracts)

9. Kucherskaya M.A. *Russkiy svyatochnyy rasskaz i problema kanona v literature novogo vremeni* [The Russian Christmas Story and the Problem of Canon in Modern Literature]. PhD Thesis Abstract. Moscow, 1997. 21 p. (In Russian).

Ларина Мария Валерьевна,

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы; Русская христианская гуманитарная академия имени Ф.М. Достоевского.

Кандидат филологических наук, ассистент кафедры русского языка № 2 института русского языка (РУДН), исполнитель проекта отдела сопровождения научных проектов (РХГА).

Научные интересы: история русской литературы, история немецкой литературы, теория литературы, компаративистика.

E-mail: m_larina@yahoo.com

ORCID ID: 0000-0001-7998-0790

Ковтун Наталья Вадимовна,

Русская христианская гуманитарная академия имени Ф.М. Достоевского; Красноярский государственный педагогический университет имени В.П. Астафьева.

Доктор филологических наук, профессор, руководитель проекта РФФ № 23-18-00408, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00408> (РХГА); профессор кафедры мировой литературы и методики ее преподавания (КГПУ им. В.П. Астафьева).

Научные интересы: история современной русской прозы, утопический метажанр, эстетика и поэтика постмодернизма, метамодернизма

E-mail: nkovtun@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-6799-4685

Maria V. Larina,

Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia; Russian Christian Academy of the Humanities named after Fyodor Dostoevsky.

Candidate of Philology, Assistant Professor, Department of Russian Language No. 2, Institute of Russian Language (PFUR); Project Manager, Scientific Project Support Department (RCAH).

Research interests: History of Russian Literature, History of German Literature, Literary Theory, Comparative Literature.

E-mail: m_larina@yahoo.com

ORCID ID: 0000-0001-7998-0790

Natalya V. Kovtun,

Russian Christian Academy of the Humanities named after Fyodor Dostoevsky; Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. Astafiev.

Doctor of Philology, Professor, Head of RSCF Project No. 23-18-00408, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00408> (RCAH); Professor at the Department of World Literature and Teaching Methods (KSPU).

Research interests: history of modern Russian prose, utopian meta-genre, aesthetics of postmodernism.

E-mail: nkovtun@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-6799-4685